

Всю ночь Гу Чуньлай чувствовал себя так же, как в тот вечер, когда снимал пробный эпизод с Чжоу Сяоча. Его сердце билось, словно в груди прыгал тигр, и хотя он смог заснуть, сон был беспокойным. Едва рассвело, он окончательно проснулся, наспех оделся и вышел из дома.

В этот час в съёмочном комплексе было мало людей, только в столовой слышались голоса. Он зашёл на кухню, поболтал с поваром минут пять и получил два булочки, бутылку молока, маринованное яйцо и четыре маленьких блюда. Собираясь уходить, он заметил, что с другой стороны только что приготовили кашу с яйцом и свининой, и, довольный, взял ещё и ведёрко с кашей. Под лучами утреннего солнца, в окружении дыма от печи, он направился на пустую съёмочную площадку.

У трейлера свет был погашен, вокруг царил тишина. Гу Чуньлай с довольной улыбкой достал ключи, которые раньше дал ему Сяо Жофэй, открыл дверь и зашёл внутрь.

Внутри было просторно, тепло, чувствовался аромат сандалового дерева и кожи. Всё выглядело новым и чистым, оборудование было в полном порядке, а в глубине стояла кровать.

Гу Чуньлай поставил еду, вымыл руки, достал из пальто серебряную рамку и поставил её на самое видное место в трейлере. Затем он сел за стол, открыл контейнер с едой, и аромат пищи, смешанный с паром, разнёсся по воздуху, заставляя его живот урчать.

Сегодняшние булочки были только что приготовлены, ещё тёплые, как те, что продавались утром на рынке рядом с домом его деда. После смерти родителей дедушка и бабушка забрали его к себе и стали его опекунами. Каждое утро в шесть часов бабушка будила его, заставляла умываться и одеваться, а около половины седьмого дедушка возвращался с утренней прогулки, и они вместе шли на рынок, находившийся в десяти минутах ходьбы. Они покупали две миски соевого молока, три маринованных яйца и свежеспечённую булочку, а также два кукурузных хлебца. Сначала Гу Чуньлай не любил булочки, считая их безвкусными. Бабушка, боясь, что он не будет есть и не вырастет, плакала от беспокойства. Ему не нравилось видеть бабушку в слезах, поэтому он начал пробовать есть булочки, хотя сначала они застревали в горле, вызывая покраснение лица. Позже он научился тщательно пережёвывать, ощущая сладость, и стал разрывать булочки пополам, добавляя маринованное яйцо и немного овощей, превращая даже простую еду в нечто особенное.

Он разорвал булочку, добавил яйцо и овощи и начал медленно есть. Он давно не ел булочки таким образом, и, проглотив половину, почувствовал, что вкус кажется чужим. Он пытался вспомнить, каким он был раньше, но ничего не приходило на ум.

Почему-то в последнее время он часто вспоминал прошлое, те далёкие и нереальные времена. Может быть, это было влияние съёмок, или встреча с людьми, которые знали его в прошлом, но спокойная театральная жизнь, которую он вёл много лет, начала нарушаться. Часть воспоминаний, которые он давно забыл, возвращалась, цепляясь за его тело. Он не мог от них избавиться, не мог стряхнуть их, и они постепенно становились всё яснее, складываясь в его образ.

Он не знал, хорошо это или плохо, и у него не было времени об этом думать.

Но он решил не думать.

Съев несколько кусочков, Гу Чуньлай решил сообщить Сяо Жофэю. Он достал телефон, открыл WeChat, нашёл диалог с «Цветочной бабочкой» и написал: [Спасибо, в трейлере очень уютно].

В момент нажатия кнопки отправки в трейлере раздался звук «динь», чистый и резкий, от

которого он чуть не уронил телефон в кашу.

Через несколько секунд изнутри раздался голос:

— Кто это так рано не даёт покоя!

— Жофэй?

Гу Чуньлай включил фонарик на телефоне и осторожно вошёл внутрь, где увидел на кровати кучу одеял, из которой через несколько секунд показалась голова с растрёпанными волосами. Тот, кто лежал в кровати, был наполовину спящим, почесывал живот и зевал, глядя на телефон, бормоча:

— Я же сказал, что уеду завтра, зачем так рано шуметь... А, это ты.

Его взгляд упал на экран, и в трейлере воцарилась тишина, как на кладбище в полночь.

Гу Чуньлай не решался даже дышать, наблюдая, как Сяо Жофэй медленно открывает глаза, смотрит на экран, а затем поднимает голову и смотрит на него.

Сяо Жофэй замер на несколько секунд, затем осторожно, почти шёпотом, спросил:

— Как у меня волосы?

— Растрёпались.

— Повернись.

Гу Чуньлай подумал, что ослышался, и наклонился вперёд.

— Повернись сейчас же! Не смотри на меня! Быстро!

Увидев, что Гу Чуньлай всё ещё не реагирует, Сяо Жофэй вскочил с кровати, закрыл ему глаза и начал крутить его по трейлеру. Звуки воды, жужжание электрической зубной щётки, запах геля для волос — всё это смешалось, и через несколько минут Гу Чуньлай снова смог видеть.

Хотя на Сяо Жофэе была только белая футболка и трусы, он выглядел совершенно иначе, чем несколько минут назад: бодрый, с аккуратной причёской и ясными глазами, без следа усталости.

— Забудь, что видел, ладно?

— Ты как здесь оказался?

Они произнесли это одновременно.

Оказалось, что в трейлере сломался обогреватель.

Сяо Жофэй собирался проверить его по инструкции, но во время вечеринки он выпил слишком много и, дойдя до половины, не смог продолжать. Он решил немного поспать, но проспал до утра, пока не появился Гу Чуньлай, и снова оказался перед ним в неубранном виде.

В университете Сяо Жофэй был эталоном аккуратности в мужском общежитии. Все знали, что он должен выглядеть безупречно, чтобы выйти на улицу, и если на одежде появлялось пятно,

он шёл покупать новую.

Такой Сяо Жофэй, забывший умыться и причесаться ради него, вызывал у Гу Чуньлая чувство вины, которое невозможно выразить словами.

— Ну и ладно, сломался так сломался, потом починим. Вчера вечером было так холодно, не стоило оставаться в трейлере и мёрзнуть. — Гу Чуньлай протянул руку из рукава и легонько коснулся лба Сяо Жофэя. — Что, если бы ты заболел?

Сяо Жофэй посмотрел на него с недоумением, как на чудо света.

— Ты-то сам как... В Байшуе сейчас холодно? Ночью морозно, без обогревателя твоя спина точно не выдержит, понимаешь?

Гу Чуньлай не ожидал, что он запомнил его маленькую проблему, и не знал, как выразить благодарность. Он бормотал «спасибо», застыв в воздухе, пока Сяо Жофэй не взял его руку и мягко опустил.

— Не благодари. Вчера вечером я вызвал мастера, если не починит, то заменим. Нужно починить, иначе я не смогу уехать спокойно.

— Уехать? — Гу Чуньлай вспомнил, что Сяо Жофэй бормотал что-то о том, что уезжает завтра, и с любопытством спросил:

— Куда? Далеко?

— Далеко. Лететь 13 часов.

13 часов — это больше половины дня. Гу Чуньлай знал, что так долго лететь только на другой континент.

Он вдруг вспомнил, что Бай Яньнань упоминал, что скоро начнётся кинофестиваль в городе Т, глобальное событие в киноиндустрии. Он тоже собирался поехать, хотя у компании не было фильмов для показа, но он планировал продвигать «Два города».

Близился конец года, и началось голосование за различные награды. Как первый этап, фестиваль привлекал огромное внимание, независимо от того, участвовали ли фильмы в конкурсе.

Компания «Цаньсин» точно не пропустит такое событие, это отличная возможность для продвижения и продаж.

— Сначала Сяо Гао должен был поехать продавать фильмы, но у его жены начались роды раньше срока, и он не смог уехать, поэтому мне придётся поехать самому. — Видя, что Гу Чуньлай молчит, Сяо Жофэй продолжил:

— Сценарист на площадке временно будет моя мама. Она знает сценарий, так что всё в порядке.

— Ты... Я... Я не знал, что ты уезжаешь так далеко... На сколько?

Сяо Жофэй не стал скрывать:

— Билеты куплены на две недели. Раз уж еду, то заодно обсудим планы на следующий год с

партнёрами.

— Две недели... — Гу Чуньлай достал телефон и пробормотал:

— Две недели, значит, вернёшься к седьмому-восьмому ноября... Кажется, ещё успеешь...

Сяо Жофэй спросил:

— Успеешь куда?

— А, ничего. Подожди, у меня есть кое-что для тебя, не уходи, подожди минутку. — Гу Чуньлай покружился на месте, схватил шарф со спинки стула и накинул его на шею Сяо Жофэя. — Там сейчас может быть снег, очень холодно, не простудись.

— Ты даёшь мне шарф?

— Нет, подожди...

— Не торопись, иди сюда.

Сяо Жофэй схватил Гу Чуньлая, который собирался уйти, и сунул ему в руку маленький предмет.

Гу Чуньлай разжал ладонь и увидел оберег. Он выглядел так же, как те, что его коллеги брали в храме Янчжун.

<http://bllate.org/book/15563/1415633>